

Стоило Чи Цюлиню вспомнить, как Лю Минчжоу той ночью вошел в квартиру, как у него внутри всё закипело. Он нахмурился, в упор разглядывая человека перед собой: мягкие черты лица, кроткий нрав, в котором не было ни капли агрессии, приятная и чистая внешность — такое лицо любому покажется безупречным. Жаль только, что Чи Цюлинь, глядя на него, невольно надевал очки недоброжелателя, видя в этом человеке лишь лицемерную маску.

Похоже, почувствовав на себе взгляд Чи Цюлиня, Лю Минчжоу внезапно поднял голову, и их глаза встретились.

Взгляд Лю Минчжоу на мгновение вспыхнул, но тут же невольно потускнел. Он глубоко смотрел в глаза Чи Цюлиню и долго не хотел отводить взор.

Несмотря на маскировку в виде чужого тела, Чи Цюлиню порой казалось, что Лю Минчжоу видит насквозь скрытую за этой оболочкой душу. Особенно сейчас, когда в его неопределенном взгляде читалась некая скорбь, словно он оплакивал кого-то.

Но кого? Прежнего Чи Цюлиня? Хотя эта мысль была до абсурда нелепой, Чи Цюлинь не исключал такой возможности: в конце концов, все считали, что он покончил с собой, прыгнув с высоты, и Лю Минчжоу, разумеется, не был исключением. Должно быть, Лю Минчжоу считает, что его беспардонное вмешательство в чужие отношения косвенно привело к смерти Чи Цюлиня, вот его и гложет совесть.

Придя к такому выводу, Чи Цюлинь тут же затеял недоброе: раз уж он сейчас всё равно ограничен в движениях, почему бы не использовать соперника в качестве сиделки? А заодно можно и подтолкнуть его к воспоминаниям о своей прошлой жизни, чтобы насолить ему — почему бы и нет?

Пока Чи Цюлинь строил свои коварные планы, его лицо внезапно коснулось некто теплое, что вернуло его к реальности: Лю Минчжоу взял и накрыл его щеку своей ладонью. Тонкие губы мужчины слегка дрогнули, словно он хотел назвать чье-то имя, но так и не решился.

Видя, что лицо Лю Минчжоу приближается, а испытующий взгляд всё не отрывается от его глаз, Чи Цюлинь невольно почувствовал, как по спине пробежал холодок. Ему совсем не хотелось так быстро раскрыть свою личность — кто знает, на что способен соперник, зная, что перед ним беспомощная жертва?

Он поспешно убрал руку Лю Минчжоу со своей щеки и грубо перевел тему:

— Только проснулся, голова совсем не варит. Напомни, как меня зовут?

Не успел он договорить, как понял, что это был ужасный вопрос.

Лю Минчжоу терпеливо ответил:

— Цзин Цючи. Цзин от пейзажа, Цю от осени, Чи от запаздывания.

Чи Цюлинь не знал, показалось ему или нет, но ему почудилось, что, произнося слово «осень», Лю Минчжоу невольно смягчил голос.

Впрочем, стоило ему вспомнить, что этот человек — его соперник в любви, как к горлу снова подступила тошнота. Он решил, что его мозг, должно быть, превратился в грязь, раз в голову приходят такие нелепые мысли.

Когда они замолчали, глядя друг на друга, Чи Цюлинь вновь невольно подумал о Яо Синьюе. Страдал ли Яо Синьуй из-за его смерти? Был ли это Яо Синьуй, кто потерял рассудок и устроил скандал в больнице?..

Чи Цюлинь понимал, что он безнадежен: этот подонок однажды уже погубил его, но стоило о нем вспомнить, как вновь просыпалось любопытство — как он там? Ему даже хотелось снова сблизиться с ним.

Глядя на молчаливого Лю Минчжоу рядом, Чи Цюлинь, несмотря на возникшую неприязнь, немного подумав, решил зайти издали:

— У тебя есть кто-нибудь на примете?

Лю Минчжоу даже головы не поднял и выпалил:

— Нет.

Нет? Значит, Лю Минчжоу и Яо Синьуй не вместе? Чи Цюлиня охватило недоумение. Неужели его смерть стала непреодолимым барьером между ними, из-за чего они так и не смогли сойтись?

Если так, то выходит, от его смерти была хоть какая-то польза.

Но стоило подумать о том, что он вот-вот мог вернуться домой богатым наследником, а вместо этого из-за неловкого движения превратился в калеку, скорченного в больничной палате, Чи Цюлинь понял, что он в огромном проигрыше.

Он сменил тон и спросил:

— А человек, который тебе нравится, у тебя есть?

— М-м, — быстро ответил Лю Минчжоу и тут же перевел тему: — Что хочешь на ужин? Схожу куплю тебе поесть.

Похоже, Лю Минчжоу не хотел продолжать этот разговор, что лишь укрепило догадку Чи Цюлиня: его смерть оставила в душе Лю Минчжоу незаживающую рану, не позволяя ему спокойно быть с Яо Синьюем.

...

Лю Минчжоу, строго следуя предписаниям врача, принес Чи Цюлиню только жидкую кашу. Чи Цюлинь, смирившись с судьбой, потянулся к чашке, но обнаружил, что у него нет сил даже на это. Он обессиленно откинулся на подушки:

— Не хочу.

Рядом раздался тихий смешок, и прежде чем Чи Цюлинь успел среагировать, Лю Минчжоу приобнял его за плечи и помог сесть.

— Я покормлю тебя, съешь хоть немного, иначе организму не восстановиться.

Встретившись взглядом с заботливым соперником, Чи Цюлинь почувствовал себя крайне неудобно, но все же кивнул.

Лю Минчжоу терпеливо остужал кашу и кормил его ложечкой.

И правда, каша, которую смиренно подносит к твоему рту соперник, оказывается, очень вкусная. Несмотря на такие мысли, вслух Чи Цюлинь сказал совсем другое:

— Так хочется хого. Как только смогу есть нормальную пищу, обязательно наемся острого хого.

Произнося это, он представлял себе старый ресторанчик хого на западе города. Там подавали настоящий, аутентичный хого со свежайшими ингредиентами. В прошлой жизни он обожал это место и чуть ли не каждые несколько дней таскал туда Яо Синьюя. Поскольку тот не любил острое, они всегда заказывали котелок с двумя видами бульона, а Чи Цюлинь, ощущая на губах привкус пряного соуса, всегда целовался с Яо Синьюем и улыбался, когда тот, нахмурившись, отталкивал его в сторону.

— Брат.

Внезапно раздавшийся непривычно строгий голос Лю Минчжоу прервал приятные воспоминания и так напугал Чи Цюлиня, что он поперхнулся кашей. Он закашлялся до красноты, вытирая лицо и с досадой ответив:

— Чего тебе?

Лю Минчжоу отставил чашку и смерил его пронзительным взглядом:

— У тебя аллергия на острый перец. Особенно на хого — хватит одной ложки, чтобы у тебя

случился анафилактический шок.

<http://bllate.org/book/26747/3203752>